

УДК 39(=161.1)+94(57)

Ю.Н. Цыряпкина

РУССКИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются основные подходы к определению этнонима «русские» в Центральной Азии, в основном на примере Узбекистана, а также выявляются условия, позволяющие относить Узбекистан к «национализирующимся государствам». Суммируя имеющиеся полевые материалы, автор выделяет несколько аспектов, характеризующих идентичность «русских» в Узбекистане, что можно экстраполировать на аналогичные процессы идентификации русских в других республиках региона: этнокультурная локальная идентичность, адаптация «русских» к культуре коренного населения, религиозный синкретизм у выходцев преимущественно из смешанных в этноконфессиональном плане браков, сохранение позиций русского языка и др.

Ключевые слова: идентичность, национализирующееся государство, православие, национальная кухня, русский язык.

Yu.N. Tsyryapkina

RUSSIANS IN POST SOVIET CENTRAL ASIA: IDENTITY IN A NATIONALIZING STATE

The main approaches to the definition of the ethnonym «Russians» in Central Asia, mainly on the example of Uzbekistan, is analyzed in the article. In the article is revealed also conditions that make it possible to assign Uzbekistan to «nationalizing states». Summarizing the available field data, the author identifies several aspects which characterize the identity of the «Russians» in Uzbekistan, it might be extrapolated to similar identification processes of Russians in other republics of the region: ethnocultural local identity, adaptation of the «Russians» to the culture of the indigenous population, religious syncretism among people from mixed ethnoconfessional marriages, the preservation of Russian language position, etc.

Key words: identity, nationalizing state, Orthodoxy, national cuisine, Russian language.

Вопрос о статусе русских в республиках Центральной Азии, их адаптации к новым общественно-политическим условиям не теряет своей актуальности после распада СССР. Эта тема периодически обсуждается в формате общественных дискуссий, а также экспертным сообществом, обычно после политических решений в суверенных республиках, так или иначе затрагивающих статус русского языка (например, реформа графики казахского языка в Казахстане, апрель 2017 г.).

Целью данной статьи является обобщение и представление отдельных положений исследования, связанных с развитием идентичности русских в Центральной Азии в постсоветский период. Первоначально необходимо определиться с трактовкой этнонима «русский» в Центральной Азии, так как единого подхода в определении этой группы не существует, что зачастую усложняет процесс исследования.

В узком понимании РУССКИЕ в постсоветской Центральной Азии – одна из этнических групп,

хотя ее доля в общей численности отдельных республик заметно сократилась за последние десятилетия, однако русское население по-прежнему продолжает составлять достаточно серьезный интеллектуальный и экономический потенциал.

По самым приблизительным подсчетам: по данным 2018 г., в Казахстане проживает 3 588 686 (19,76 %), по данным 2015 г., в Узбекистане – 795 010 (2,6 %), по данным 2018 г., в Кыргызстане – 352 960 (5,6 %), в Таджикистане, по данным 2010 г., около 34 тыс. человек (статистические данные практически не публикуются).

В широком понимании РУССКИЕ – потомки переселенцев, которые обосновались в Центральной Азии и стали проводниками новой социокультурной идентичности – «европейцы». Название этой группы «европейцы» используется неофициально в Узбекистане, Кыргызстане для идентификации в социально-бытовой жизни. Официально эта группа называется русскоязычные. Правильнее рассуждать о русскоязычном

населении, применительно к Кыргызстану, Узбекистану – это некоренные этнические группы региона, к которым кроме русских относят татар, корейцев, немцев, евреев и др. Все те, кто в исторических реалиях XX в. приобщились к русскому языку и русифицированной урбанизированной культуре городов. Это особый тип социокультурной идентичности [1, с. 30].

Если рассматривать Казахстан, то в нем часть казахского населения можно отнести к русскоязычным, соответственно, здесь трудно приравнивать «русских» к русскоязычным. К казахстанскому материалу этноним «русский» в значении социокультурной идентичности не применяется, должны приводиться другие объяснительные модели. Поэтому точное определение, обозначающее эту группу во всех центральноазиатских республиках, до сих пор не найдено. В данной статье применительно к Узбекистану используется определение «русские» в значении социокультурной идентичности.

В статье анализируются изменения идентичности «русских» в условиях «национализирующегося общества/государства» (термин принадлежит американскому социологу Роджерсу Брубейкеру) – это та теоретическая рамка, в которой часто рассматриваются процессы нациестроительства в центральноазиатских республиках. В понятие «национализирующегося государства» входит процесс национального конструирования, начавшийся в 1991 г. во всех центральноазиатских республиках. В этих условиях происходит усиление национальной государственности, идеологии, идентичности. В республиках создаются новые ритуалы, которые подчеркивают важность и приоритет национальных интересов – укрепление роли государственных языков, новый взгляд на историю, новые праздники [2]. Все это является наполнением процесса нациестроительства.

В публикациях о «русских» в центральноазиатских республиках можно проследить динамику изменений в рамках различных подходов. С 1991 по середину 2000-х годов в исследованиях русских, проживающих в Центральной Азии, преобладал *политологический подход*. Присутствие русских в регионе рассматривалось через призму государство- и нациестроительных процессов, это вопросы, связанные с их правовым статусом, вопросами дерусификации, миграцией в Россию и др. При таком отборе материалов зачастую делался акцент на ущемлении прав русских. Это объясняется тем, что российское экспертное сообщество и некоторые исследователи смотрели на проблему русских через примордиалистский подход к «этничности», все рассматривалось через

«этническое», через этнические рамки. Популярным был взгляд «страдающие соотечественники», «ущемление позиций русского языка» и др. Это клише использовалось в риторике отдельных российских политических деятелей.

Если рассматривать инструментарий, которым исследователи пользовались в эти годы, это в основном массовые социологические опросы, которые проводились во многих республиках, за исключением Таджикистана и Туркменистана. Количественные опросы, несомненно, информативный метод, но применительно к исследованию адаптации/дезадаптации русских во вновь образованных республиках не позволяют раскрыть все аспекты проявления идентификации этой группы населения. Большая часть опубликованных работ, подготовленных на основе количественных исследований в Узбекистане и Киргизии, содержали очень обобщенные выводы. Публикаций по Казахстану в 1990-е годы оказалось больше, а также казахстанская действительность фиксировалась западными социальными антропологами.

С середины 2000-х годов в исследованиях «русских» в Центральной Азии наметились существенные изменения. В этот период уменьшилась миграция русских из Центральной Азии, а более заметной становится трудовая миграция титульного населения республик в Россию. Были опубликованы первые труды по «русским» в отдельных республиках, в исследованиях применяется новая конструктивистская парадигма для анализа идентичности русских, в рамках которых этничность рассматривается как ситуативный феномен и сконструированная идентичность. Ярким подтверждением данной тенденции стала работа Н.П. Космарской [3].

Подобных исследований, как у Н.П. Космарской, было выпущено немного, связано это с тем, что в России интерес к теме русских в регионе не отличался особой устойчивостью. Позиции качественной социологии до сих пор слабы, зачастую из-за организационных моментов – необходимо долго находиться в стране изучения и быть включенным в социокультурное пространство. Автор статьи придерживается второго подхода. В статье выделяются несколько интересных аспектов в анализе идентичности русских в Центральной Азии, основанных на материалах ежегодных полевых исследований с 2012 по 2015 г. в Республике Узбекистан, позволивших погрузиться в изучаемую среду и всесторонне исследовать изучаемый феномен:

1. У центральноазиатских «русских» сформировалась прочная локальная этнокультурная идентичность, прослеживается эмоциональная

привязка к стране проживания. Данная локальная этнокультурная идентичность воспроизводится и при переезде на постоянное место жительства из республик региона. Наиболее яркое ее воплощение живет в выражениях: «Бывших ташкентцев не бывает», «Бывших ферганцев не бывает» и др. Более того, несколько опрошенных в Узбекистане «русских» всячески подчеркивали свою разницу/инаковость с русскими в России, делалось это в основном через оценочные категории: «Мы не пьем и не курим, как в России», «Мы уважаем старших», «В России люди угрюмые» и т. д.

2. Адаптация «русских» к местной культуре. В имеющихся постсоветских научных публикациях отсутствует этнографическое описание обрядовой жизни русских. Хотя интереснейший вопрос – это изучение взаимопроникновения русской и локальной азиатской культур в хозяйственно-бытовой, семейной жизни. «Русские» заимствуют некоторые привычки, обычаи, ценности центральноазиатских народов, к примеру, установки на деторождение, уважительное отношение к старшим. Ценностное отношение к семье у русских в Центральной Азии другое. Семья – это ресурс развития и поддержки. Практически все опрошенные респонденты подтвердили, что заимствуют в большинстве случаев блюда национальной кухни (только одна опрошенная женщина ответила, что ничего из национальной кухни не готовит, так как ее муж отрицает все узбекское). Обиходными стали многие блюда: плов, машевый суп, окрошка с кефиром (но не с квасом), самса, зеленый чай из пиал. У «русских» в Узбекистане есть несколько вариаций чайной трапезы: «чай по-русски из стакана» или «из пиалы с уважением». Все это воспринимается как элементы собственной локальной культуры. При этом коренные жители региона также осваивают русскую и украинскую кухню, пример из интервью Ф., узбечка, 19 лет: **«Ю.Ц.: А вот у Вас есть предпочтения... допустим, отказываетесь Вы от свинины?»** Ф.: *Нет, не отказываюсь, но в принципе у нас такого предпочтения нет, потому что сейчас очень жарко и ее не очень-то хочется есть.* **Ю.Ц.: А так вот, для Вас это не харам там съесть сало!?** Ф.: *А-а-а! Съесть сало – нет, съесть сало хорошее – нет, я люблю сало тем более. И мама говорит: «В тебе...», я, например, люблю борщи, щи люблю, селедку люблю под шубой. Вот борщи для меня, я была хохлом, вот донская кровь течет во мне, она как-то во мне дает о себе знать больше всех. Я бы села и картошечку с салом, для меня – это самое блаженство, больше, чем плов, я не знаю почему»* [4].

3. «Русскими» активно заимствуются многие устойчивые привычки коренного населения, которые в советское время при высокой доле «европейского» населения в городах не воспроизводились. К примеру, помыть голову катыком, намазать лицо козьим молоком – это средство использовали узбечки и таджички в советское время, а сейчас это общенародный метод для всех. Но при этом в одежде у «русских» и других носителей «европейской» социокультурной идентичности – европейский стиль и подчеркнутое абстрагирование от национальной одежды.

4. Православие в исламском контексте – это тоже очень интересный аспект анализа идентичности «русских» в Узбекистане, к тому же малоизученный феномен. Анализ данных полевых исследований показывает, что религиозная идентичность у русских быстро размывается, их отождествление с православием очень быстро изменяется. Особенно выходцы из смешанных браков/союзов с трудом соотносят себя с той или иной конфессией. Они могут себя позиционировать как «европейцы» или «русскоязычные», но религию с такой же убежденностью выбрать сложно. И сейчас в Узбекистане нередко встречается такое явление, как религиозный синкретизм, когда ребенку делают обрезание, потом крестят либо наоборот. Все это свидетельствует о том, что религиозные нормы носят ритуальный характер, без глубокого осмысления их обрядовой стороны. Можно отметить интерес коренного мусульманского населения к православию, хотя случаи крещения мусульман крайне редки. Священнослужители в разных приходах отмечают, что бывают случаи, когда женщины-узбечки просили поставить свечку во здравие за мужа, отца, находящегося на заработках в России, берут освященную воду и др. Все эти процессы взаимовлияния нужно изучать, осмысливать, так как это во многом развенчивает ту высокую степень алармизма, которая периодически транслируется в российских СМИ по отношению к приезжим из Центральной Азии.

5. Вопрос о русском языке в Центральной Азии. Необходимо отметить, что часть русского экспертного сообщества остро реагирует на любые реформы, так или иначе затрагивающие статус русского языка. Все это воспринимается как попытка дистанцироваться от России и от советского наследия. Опять же необходимо сместить фокус изучения с политологического подхода на изучение русского языка как социокультурного феномена и его применения на микроуровне, в жизненных стратегиях населе-

ния. Дальнейшее укрепление государственных языков, которые связаны с национальной идентичностью, неизбежно, но русский язык – это основа центральноазиатского билингвизма. В каком-то смысле он укоренен не только среди политической элиты, интеллигенции, но и среди городского населения, однако выделяются разные уровни владения русским языком. В Казахстане и Узбекистане появились целые литературные направления, созданные на русском языке. На нем писал Олжас Сулейменов, Чингиз Айтматов, можно много назвать русскоязычных авторов, которые творили и творят на русском языке. Весьма интересным является изучение изменений в словоупотреблении и нормах русского языка. Например, в Узбекистане в разговорной речи в русский язык часто вкрапляются слова прямого перевода с узбекского «бозор килмок» – «сделать базар». В 2015 г. автор статьи зафиксировала, что появилась замена выражения «сделать базар» глаголом «базарить» в русском языке. Примерно так же в последние годы с распространением сотовой связи устойчивыми в разговорной речи русских в Узбекистане является выражения-переводы с узбекского языка «сделать пайнет», «закинуть деньги на пайнет», что означает пополнить баланс мобильного телефона. Таким образом, на состав русского языка в Узбекистане влияют заимствования целых речевых оборотов, обозначающих

новые явления повседневной жизни и др. Более того, удивителен тот факт, что в провинциальных городах Узбекистана у русской/русскоязычной молодежи, слабо владеющей государственным языком, выделяется заметный узбекский акцент, воспринимается даже интонационно-контактная основа. В дальнейшем процессы влияния узбекского языка на русский будут только усиливаться.

Идентификация русских в Центральной Азии – сложная субстанция для анализа, так как на нее ежедневно влияет множество факторов. Наиболее эффективное изучение данного феномена возможно при помощи методов качественной социологии / социальной антропологии в конструктивистской парадигме, позволяющей рассматривать идентичность «русских» в социокультурных процессах со всеми воздействующими на нее факторами. Идентичность русских в «национализирующихся государствах» постепенно изменяется и подстраивается под реалии общественно-политической и социокультурной ситуации в центральноазиатских республиках. Соответственно, изменяются и этномаркирующие факторы русских. Одним из интереснейших аспектов, требующих дальнейшего исследования, являются вопросы, связанные с трансформацией религиозной идентичности «русских» или выходцев из смешанных браков (мусульмане и православные).

Библиографический список

1. Абдуллаев, Е. В. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демодернизации / Е. В. Абдуллаев // Русский мир в Центральной Азии : сборник материалов и статей / под общ. ред. А. А. Князева. – Бишкек, 2007. – Вып. 1. – С. 8–33.
2. Абашин, С. Узбекистан после СССР [Электронный ресурс] / С. Абашин. – Режим доступа: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2563>, свободный.
3. Космарская, Н. П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские Киргизии, 1992–2002) / Н. П. Космарская. – Москва, 2006.
4. Полевые материалы автора. Республика Узбекистан, г. Алмалык, 20 августа 2014 г. (информант: Ф., узбечка, 19 лет, выпускница академического лицея).